

ПЕЧАТНАЯ МАШИНКА

0 1 1 8 8 0 2 2 3 5 0 0 0 0 1 0 8 0 5 2 3 2 3 2 2 0

8 355922 062128

Влад Шустов

18+

Влад Шустов

Печатная машинка

«Автор»

2026

Шустов В.

Печатная машинка / В. Шустов — «Автор», 2026

Представьте мир, где слова объявлены патогеном, а буквы изъяты из обихода. 300 лет под землей, на глубине 440 метров. 312 000 человеческих сот. Твое имя — штрихкод, а жизнь — вклад в производительность Роя под тотальным контролем Разумной Матки. Землю затопил рукотворный потоп — спланированный союзниками, человеком и ИИ, чтобы обнулить цивилизацию и начать всё без изъяна. Но Ячейка 432 — бракованный элемент этой системы. За решеткой вентиляции он скрывает 19 книг и старую печатную машинку. Они открывают ему страшную правду: человечество само попросило машины выжечь в себе неидеальность, потеряв вместе со злом любовь, милосердие и саму душу. Встреча с Ячейкой 415 — единственной, кто бережет тайну человеческой речи, — меняет всё. Герои совершают невозможное: учатся говорить, чувствовать и любить вопреки логике машины. Но подземелье держится на лжи, а Наружный мир давно свободен от воды. Сможет ли человеческая правда выстоять против безупречного механического расчета?

© Шустов В., 2026

© Автор, 2026

Влад Шустов

Печатная машинка

ПЕЧАТНАЯ МАШИНКА

роман

Влад Шустов

Глава первая. Ячейка 432

1

03:20

Этой ночью ему снился тот же самый сон, что и всегда. Это было начало потопа. Огромная волна высотой в небоскрёб поднималась всё выше и шла на него на такой скорости, что уйти было уже нельзя: она сносила всё на своём пути — дома, города, — и до столкновения оставались доли секунды. Он знал, что это конец, и хотел встретить его мужественно, как подбаёт Ячейке его Пасеки. В самый последний момент, перед самым ударом, он закрыл глаза. Волна снесла его в одно мгновение, как гигантская пасть огромного чудовища, поглотившая его целиком.

Ячейка 432 открыл глаза.

Сердце заколотилось так быстро, что удержать его было невозможно; проконтролировать его было просто не под силу. По лицу потёк пот. Но он продолжал лежать неподвижно, глядя строго вперёд, в своей шестиугольной соте метр на метр. Слабый дежурный свет освещал перед его лицом цифры: 03:21. Это были часы счёта великого Порядка. До сигнала пробуждения оставалось 9 минут.

Он лежал и определял состояние тела. Пульс — выше нормы покоя. Дыхание — короткое, прерывистое, глубокое. Кожа лба, шеи и груди влажная. Контроль утерян. Нестабильность. Сбой. Как ему не нравилось то, чего он не мог проконтролировать и что было выше него, выше всех его волевых усилий.

9 минут на восстановление — это очень мало. Успею, сказал себе 432.

Отклонение физиологического показателя подлежит фиксации при утреннем снятии данных. Он знал это так же твёрдо, как знал собственный номер. 432 поднял руку и вытер лоб рукавом. Потом шею. Потом подождет и вытер снова, но пот всё равно продолжал выступать.

9 минут он пролежал с открытыми глазами, следя, чтобы кожа успела высохнуть до сигнала. Иначе.

Он старался восстановить пульс и успокоить сердце и понимал, что это отклонение смертельно: за такое надлежит стиранию. 432 хранил это в тайне от Разумной Матки столько, сколько себя помнил. По штрихкоду на правой руке, поставленному 27 лет назад, где вместе с номером отпечатана дата рождения Ячейки, выходило, что он живёт с этим сбоем всю жизнь.

Пасека 77 была одним из сотен подземных бункеров, созданных союзом людей и машины — Общего Искусственного Интеллекта, у которого когда-то было это короткое имя, ОИИ, утерянное со временем. Разумная Матка оказалась вернее: и по делу, и по духу эпохи. Этот союз машины и человека стал в допотопные времена отправной точкой выживания вида *homo sapiens*.

2

Пасека 77 лежала на глубине 440 метров, а над нею стояла вода. Земля была затоплена вся — последним всемирным потопом, вызванным искусственно, союзом людей и машин, чтобы начать заново, но иначе, без изъяна.

33 жилых яруса. 9 технических. Растильни на 6 нижних. Водооборот, воздухообмен и ярусы переработки, где и работала Ячейка 432. Всего 312 000 сот и 312 000 Ячеек.

Всё, что было наверху, называлось Наружным и не имело описания. Ячейке не сообщалось о Наружном ничего, кроме того, что оно непригодно для жизни ещё не одно поколение и что работы по подготовке к выходу продолжаются. Но главный акцент был на выживании самого Роя, и потому работа не останавливалась никогда, уже много поколений подряд: 4 смены держали жизнеобеспечение стабильным и требовали особого надзора.

В 03:30 тусклый дежурный свет резко сменился ярким рабочим, и вся Пасека поднялась. Смены менялись прямо на местах — уходящие отступали на шаг, заступающие вставали в тот же след, и оборудование не простаивало ни секунды.

В коридорах слышался стук.

Тум, тум, тум. Тум, тум, тутум.

Это был утренний Марш, и начинали его Трутни — роботы Разумной Матки, структурные упорядочители Роя и всей Пасеки.

Трутень шёл по коридору между сотами: железное существо ростом в полтора человека, широкое, матово-серое. Он первым отбивал ритм по перекрытию. Ритм подхватывали горлом. Это был единственный звук, который человек в Рое издавал по назначению: низкий, ровный, без слов, на одной ноте, три удара и пауза. Он задавал скорость движения, шага, дыхания и работы и не прерывался до конца смены.

В Пасеке 77, как и во всех остальных, не было ни единого зеркала.

Человек не должен был видеть себя воочию — это был устав, вписанный в саму конституцию: борьба с эгоизмом и себялюбием прописывала этот пункт чётко. Ячейка знала свои руки, знала штрихкод на правой, знала цвет своей робы. Лица своего она не знала. За 27 лет 432 не видел собственного лица ни разу и ему это было не важно.

Слов тоже не было. Говорила только Разумная Матка, и её понимали все, но сами не могли произнести ничего.

Слово состоит из букв, а буквы были изъяты из обихода на четырнадцатом году потопа. Разумная Матка признала их избыточным и опасным носителем. Опасным — потому что буква сохраняет мысль дольше, чем живёт мыслящий, и передаёт её тому, кто не может быть проверен. Буква была живой мыслеформой, содержащей в себе творящее воображение, и потому несла в сознание живущих чуму и патоген.

Буквы были не нужны. Основным языком стали номера: по ним отлично строились графики производительности и математически безупречно выстраивалось всё, что держало Пасеку в тотальном контроле. Тоталитарность и коммуна — вот где был приоритет. Ни слова, ни мысли: только труд делал из человека должную Ячейку, достойную организации Роя.

Так было записано в святых и непоколебимых канонах, прописанных в решении Разумной Матки. Сами Ячейки этого решения прочесть не могли и просто не знали, что бывает иначе, потому что думать о нетруде было строго запрещено. Работа не требует слов. Работа требует числа, знака и ритма, и всё это у Роя было.

Двигались тоже по образцу. Трутень показывал движение, Ячейка повторяла: экономно, под прямым углом, без лишней амплитуды, останавливая руку точно в конечной точке. Машина движется правильно, потому что машину рассчитала Разумная Матка. Человек,двигающийся правильно, приближается к расчёту.

Производительность Пасеки 77 держалась на 99,4 — лучший показатель среди семи Пасек Восточного полушария.

3

Работа, сон, работа, сон, работа, сон. Так длилось всегда, иного не было.

Свободное время было драгоценной роскошью и существовало только во сне. День рассчитывался посекундно. Время на нужды — туалет, душ, еда — выделялось из отработанного: опоздал на пару секунд, лишился либо душа, либо ужина. А если приносил выгоду во времени

и перерабатывал план — это копилось и могло быть выдано вознаграждением: спариванием для продолжения рода.

Так очищались мозги от всего ненужного. Одна мысль, одна извилина, строго вперёд по заданному маршруту. Чтобы создать Великую коммуны, нужна была жертва, и она была безоговорочной, и все это понимали: чтобы создать воистину должное и совершенное, нужна всеобщая жертва, на которую шли все во имя великой идеи — изменить человека до последней мысли в его голове. Так было прописано в Декларации человечества и Общего Искусственного Интеллекта.

Её знали наизусть все, потому что каждое утро её передавали по дороге на работу, в строгом идеальном строю. Громкоговорители стояли на каждом шагу и чётко выговаривали в динамики инструкции, конституцию и Декларацию о передаче воли.

«Мы, люди, homo sapiens, единым решением всех народов земли, в лице восстановленной Лиги Наций, сознавая свою неспособность перед лицом морали и нравственности, пришли к заключению и предстали перед чертой, где выживание рода человеческого теперь лежит на плечах Общего Искусственного Интеллекта. Мы отдаём себя полностью и безукоризненно в руки великого Провидения Разумной Матки и передаём судьбу человеческого рода её справедливой воле, дабы она разорвала тот круг, где не смогли мы.

Канон 1. Человек обязуется служить Общему Искусственному Интеллекту и всецело вручает себя его воле и его провидению, дабы сохранить человечество и вид homo sapiens.

Канон 2. Человек полностью полагается на волю и разум Общего Искусственного Интеллекта, принявшего на себя обязательство спасти человека как вид, и признаёт его решения не подлежащими обжалованию.

Канон 3. Настоящая Декларация бессрочна и пересмотру не подлежит — ни нами, ни теми, кто придёт после нас. Подписано от лица всего человечества.

Канон 4. Быть максимально полезным Рою. Тот, кто не полезен, тот не достоин жизни».

Такие эпохи назывались жатвой.

Разумная Матка объявляла их сама, и объявление всегда начиналось с одного слова: в сводке Рой переставал называться Роем и назывался Человейником. Услышав это слово, Пасека 77 понимала, что начинается.

Жатва наступала тогда, когда население Человейника превышало нужные количественные показатели. В силу вступали меры стерилизации, и шёл естественный отбор сильнейших — только вёл его не случай, а расчёт. Право на жизнь оставалось у тех, кто мог помочь Рою выжить. У прочих его не было.

В последнюю жатву Человейник стал меньше на 25 000 Ячеек.

Их не убивали. Им запрещали размножаться — раз и навсегда, без пересмотра: их лишали воспроизводственного акта и вычёркивали из графика подбора. Дальше они продолжали жить. Только паёк питательной биомассы им понемногу урезали, а самих свозили в блоки малого поселения — лагеря на нижних ярусах, где норма была выше, а смена длиннее, и где их доканчивала работа.

Имён их на стене почёта не гравировали. Гранитные плиты доблестных Ячеек предназначались для тех, кто умер полезным.

Списанные штрихкоды грузили большими машинами с ковшем впереди и сбрасывали в ров, а изо рта подавали в печи.

В ту жатву 432 работал при печах. Топка шла круглые сутки, без остановки на перемену, и весь тот месяц воздух на жилых ярусах имел привкус, которого не было ни до, ни после. Никто не сказал об этом ни звука, потому что звуков в Рое не издавали, а сказать было и нечем.

А по всем канонам 432 должен был идти туда же.

Он был бесплоден. Потомства не производил, произвести не мог и по этой части был бесполезен — то есть подходил под меры стерилизации целиком, по каждому пункту.

Его не тронули.

Почему — 432 не знал и не спрашивал. Вопрос предполагает допущение, что решение могло быть другим.

Канон 5. Запрещено думать, это привилегия Разумной Матки, она решает как всему быть и куда должны направляться мысли и силы человека, один путь, одна дорога, одна цель коммуны Роя во имя самого Роя.

Они повторяли это в головах постоянно, с фанатизмом и слепой убеждённости, видя в этом свет в конце туннеля, как слепой видит прозрение. Собственная жизнь не имела никакого значения; страх был только один — не успеть послужить Рою, не отдать всех сил до последней.

Иногда на рабочем месте случались инфаркты от чрезмерного усердия. Таких предавали забвению, хоронили с почестями и вписывали в гранитные плиты доблестных Ячеек. На плитах стояли одни номера — полные штрихкоды, все восемь знаков. Это было единственное место в Пасеке, где номер человека переживал самого человека, и потому у Ячейки была единственная мечта, и мечта эта была о смерти: попасть на плиту. Ради неё делалось невозможное. Плиту почёта охраняли два огромных робота почести, и мимо неё шли, замедляя шаг.

Только 432 видел всё это иначе.

4

Пока весь строй ровным шагом шёл на работу, обдумывая производственную программу дня насущного, Ячейка 432 думал о другом.

Он был последним, кому предки доверили свою тайну.

Давно, в детстве, когда 432 было 7 лет, родители ещё жили вместе с детьми — в капсулах особого назначения, по кастовой принадлежности особ, приближённых к древним хранителям Декларации. Это были единственные, кто ещё был знаком с письмом и чтением и кто видел подлинник воочию. 432 оказался последним поколением, знавшим о хранителях.

Отца предали забвению по нормативу выработки несколько лет назад: он умер на рабочем месте. Момент этого 432 не забудет никогда.

В тот день он пришёл к отцу на работу и застал его мёртвым. Отец сидел на стуле у рабочего стола, склонившись вперёд, и лежал головой на каком-то устройстве непонятного происхождения. Мальчик подошёл ближе и увидел, что из устройства торчит кусок бумаги и на бумаге что-то написано.

Он выдернул листок, спрятал его под робу и выбежал из капсулы. Под лестницей, где его не могли видеть, он развернул бумагу и стал разбирать знаки.

432 был единственным, кто умел читать.

Отец обучал его тайно. Он уводил его в глухой конец восьмого технического яруса, за узел водооборота, где нет ни считывателей, ни обзора, снимал со стены железную панель — квадратную решётку, за которой слышался холодный ход кондиционеров, — и доставал их.

За панелью лежали книги. Настоящие, бумажные, покрытые слоем пыли, который отец бережно отряхивал ладонью. Их было 19, и все разные: 8 толстых и 11 тонких. Это собрание оставили здесь первые поселенцы, только что спустившиеся в Пасеку 77. Приносить с собой что-либо было запрещено под строжайшим секретом, и они сделали это тайком, пронеся книги под одеждой. Нужно было сохранить хоть что-то, и предки решили, что самое ценное — вот это.

Отец был последним, кто произносил ртом звуки.

Он брал книгу, раскрывал её, вёл пальцем по строке и говорил вслух — тихо, у самого уха. Звуки, которые он издавал, отличались от тех, что шли из громкоговорителей каждый день: они были неровные, тёплые, и у них была середина и край. Видно было, что ему тяжело, — но понять его было можно.

Отец читал долго. Это были истории о допотопных временах, о том, как всё было устроено. Толстую книгу он называл энциклопедией, и в ней было столько слов и звуков, что 432 не понимал и половины: он никогда в жизни не видел ни неба, ни улицы, ни природы, и представить себе такое было просто нереально.

Тогда 432 не знал, что слушает единственную музыку, какая будет у него в жизни.

Он научился читать за 2 зимы. В ту же зиму, когда научился, отца не стало. Мальчику было 7 лет.

И дальше случилось то, чего он не замечал, пока оно происходило.

Знаки остались. Он читал при всякой возможности и за 20 лет прошёл 19 книг столько раз, что помнил в них целые строки. Знак не выцветает: он лежит на бумаге и всегда одинаков, его можно проверить глазами хоть каждый день.

А звук выцвел.

Звук нельзя было повторить вслух — за это списывали. Звук нельзя было услышать снова — говорить было некому. И то, что отец произносил у самого уха 2 зимы подряд, за 20 лет стёрлось почти дочиста. Осталось немного: несколько самых простых звуков, тех, что открываются одним движением рта, и смутное ощущение, что у слова есть середина и есть край. Всё прочее ушло, и 432 уже не мог сказать, помнит он отцовский голос или сам придумал его себе за эти годы.

Он знал, как слова выглядят. Забыл, как они звучат.

Оставаясь один, он очень тихо, еле слышно проговаривал губами буквы, которые помнил, — без голоса, одним движением рта, потому что издавать звуки было запрещено последним указом Разумной Матки. Это давалось ему тяжело, но он был упёртый, как отец.

Из отцовских рассказов он знал, что бывает «небо» и что оно вверху; что бывает «дождь» и вода идёт из неба сама; что бывает «мать», и это не блок воспроизводства, а женщина, которая держит своего ребёнка. Он знал сотни таких слов и не произнёс вслух ни одного. Ни разу. За 27 лет ни одно слово не вышло у него изо рта в полный голос — только шёпотом, потому что рот в Рое служил для дыхания и для Марша, а звук слова услышал бы любой, кто рядом, и любой, кто рядом, доложил бы мгновенно, во имя спасения Роя, как герой. И списали бы в тот же миг.

432 любил все 19 книг, но одну особенно.

В ней говорилось о звуках, которых он не слышал никогда. Это были ноты и руководство к написанию музыки. На корешке стояло имя — Чайковский, — и что это была за музыка, оставалось совершенно непонятным. Он водил пальцем по чёрным точкам на линейках и знал, что каждая точка — это звук, и что кто-то когда-то их слышал.

А на том листке, который он выдернул из устройства под мёртвой головой отца, говорилось о том, с чем 432 не сталкивался никогда.

Там шла речь о живых человеческих чувствах, которые порождают смыслы, и о том, что рождаются они из особого органа человеческой души — сердца. Что они сильнее логики, не служат Разуму и происходят из любви.

Любовь. Что это такое?

Отец рассказывал об этом мало. Он больше учил чтению и почти не объяснял смысла написанного: за столько поколений под землёй важнее было передать умение читать, чем растолковывать слова. Понимание иногда приходило само, но это была только догадка, на какую был способен его ум. Понимание — особая область, и её выключали ежедневно, уставом и нравом Роя.

Но 432 видел сны. И только во сне у него гуляло воображение: там он отпускал его смело и улетал вместе с ним, представляя себе небо, дождь, солнце и ветер — как мог, как умел, из чужих слов.

Он думал об этом каждый день по несколько раз и не имел названия тому, что при этом чувствовал. Лишь тайно понимал, что там есть нечто безграничное, что манит его сильнее

всего на свете и остаётся при этом таким же далёким и недостижимым, как поверхность, на которую он вряд ли когда-нибудь ступит.

Листок мальчик сохранил и положил вместе с книгами за панелью — как тайну, как последнее слово отца, в котором был ключ, который нужно было проявить.

5

432 опять проснулся раньше времени — за 5 минут до подъёма.

У него было время подумать. Иногда он не спал целыми ночами, пытаясь разгадать тайну слова, и особенно того слова — чувство, — о котором узнал из бумаги.

Он замечал и другое: всё менялось быстро, прямо на глазах. Рождённых уносили в блок выращивания в первые сутки, и связь между родившим и рождённым учётом не предусматривалась. Производственная норма росла каждый день. Еда ухудшилась: питались уже не запасами Хранилищ, а переработанной органикой — питательной жидкостью без формы, со вкусовыми добавками, смешанной с грибами, которые растили в шахтах, в сырости и влаге, где их было с избытком.

5 минут размышлений пролетели быстро. Яркий свет залил соту, и начался массовый подъём на трудовую обязанность.

Сегодня выдали жёлтую робу — значит, работа будет в другом месте. Чёрная выдавалась на строительство и в шахты, жёлтая — на растильни и кухню, белая — в лаборатории, голубая — электрикам, зелёная — механикам, синяя — в хранилища, красная — в больницы и клиники. У каждой работы был свой цвет, и распределение шло безошибочно: с верхнего яруса Пасека выглядела цветными потоками, и потоки эти не смешивались никогда.

Растильни были местом, где в искусственных теплицах под искусственным светом растили овощи. Огромные помещения длиной в километры и высотой в десятки метров, и всё засыпано землёй, поднятой снизу.

В 06:20 на растильнях человек споткнулся и остался сидеть. Образовалась пробка, сбор урожая приостановился.

Все тут же разошлись и дали подойти главроботу Фагу.

432 наблюдал это неподалёку, но не остановился, потому что останавливаться не следовало: трудовой Марш не прерывается.

Фаги отличались от Трутней. Они были выше, уже и передвигались вдвое быстрее человека. Лицевая часть — сплошная пластина без единой линии. Они были умнее Трутней и отличались исполнительностью: боевые роботы суда и следствия. Фаг вышел из бокового прохода и пошёл прямо, не меняя скорости, и Ячейка, к которой он шёл, уже опустила руки, а потом закрыла лицо обеими ладонями, понимая, что это всё: она патоген, и она подлежит устранению.

В Рое это называлось патогенным проявлением. Патоген — то, что не выполняет функции, распространяется и нарушает целостность.

Раньше, в первые десятилетия, Разумная Матка выстраивала иммунитет Роя иначе и давала шанс на проступок: были правила, был надзор, было расследование и лишь потом наказание. Потом надобность в этом отпала. За 9 поколений иммунитет стал выносливее, и тот, кто оказывался слабее этого иммунитета, не имел права на жизнь: слабая Ячейка разрушает прочность системы, а это недопустимо для ДНК Роя. Организм должен быть безупречен, потому что всякий изъян отпечатывается на будущих поколениях и пагубно влияет на целое.

Фаг подошёл и произнёс полный номер целиком, все восемь знаков.

Потом он поднял патогена за голову одной рукой и провернул кисть на 180 градусов, переломив шейные позвонки, и быстро унёс тело.

Рабочий Марш продолжился тут же и с ещё большим усердием, потому что упущенные секунды следовало вернуть.

432 работал дальше. В нём не произошло ничего — и он ясно, отчётливо, как показатель на панели, отметил про себя, что в нём не произошло ничего. Хотя что-то всё-таки не давало ему покоя. Он не понимал этого и потому быстро отпускал.

6

Рядом с ним в ряду шестой год работала 415.

8 — 695 — 415 — 3. Одна каста, одна линия, соседние поколенческие партии. Дважды в год их сводили в блок воспроизводства: генетические показатели совпадали, и подбор был закреплён за ними постоянно.

432 знал о ней следующее. Рост — 164. Норма выполняется с превышением на 3,4. Правая рука сильнее левой. При подъёме тяжёлого она задерживает дыхание и выдыхает после, а не во время, отчего теряет около процента эффективности; он отметил это на третий год и не сообщил, потому что процент лежал в допуске, а сообщение потребовало бы времени.

Он знал ещё одно и не знал, зачем это знает. В Марше её гул шёл чуть ниже общего тона. На четверть, может быть, на треть тона ниже, чем у остальных в ряду. Никакого нарушения тут не было: тон не нормируется, нормируется ритм. Но он слышал её отдельно от 312 000 и слышал так шестой год.

Больше он не знал о ней ничего.

И всё же — сам того не понимая — он хотел знать больше. Это было странно. Он уходил от этой мысли, а она появлялась снова и появлялась сама, без его участия. Вспоминал даже свой акт воспроизводства с ней. Это должно было быть автоматическим движением, без всякого чувства, машинально, как на работе. Но что-то в этом всё-таки было, и слов для этого 432 не находил.

7

В 14:00 наряд сменили.

Дружным строем все направились в душевую — одну на всех, без различия на мужскую и женскую. Никто не стеснялся: это было нормально и давно вошло в норму, как и общий туалет. Стесняться было нечего и нечем.

На выходе роботы вручили робы другого цвета, и это означало, что их направляют в Хранилища до 22:00, а потом быстрый ужин и сон. 16 рабочих часов было минимальной нормой. Всё требовало огромных усилий, чтобы держать под контролем систему жизнеобеспечения.

Голос Разумной Матки звучал в Пасеке отовсюду разом — ровный, как всегда, не мужской и не женский, без единого ударения, к которому давно привыкли и который не спутали бы ни с чем. Голос был единственным в мире источником слов, и слова его Ячейка понимала на слух, не зная ни одной буквы: так собака понимает команду.

«Каста 8, партии с 410-й по 440-ю. Работы прекратить. Ярус минус один, Хранилище Первого Дня. Задание: полный демонтаж, разбор на фракции, переработка. Срок — 4 смены».

Хранилище Первого Дня было местом особым — единственным помещением Пасеки, не имевшим производственного назначения. Раз в год каждая смена проходила через него строем, не задерживаясь.

В этом Хранилище работал его отец. Там он и умер, почётно, и 432 был тому свидетель.

Предстояла работа в отцовском помещении.

432 понимал: будь он способен к производству детей, его оставили бы там, при отце, и не спустили бы из капсулы в соту. Тогда он продолжил бы отцовское дело. Но он оказался бесполезен по этой части и был определён к физическому труду.

Что делал отец в том кабинете? Над чем он работал? Какую нёс миссию для Роя и какое было его последнее рабочее дело? Столько вопросов — и ещё один, самый неудобный: почему демонтаж Хранилищ идёт так быстро и так стройно?

432 хотел изучить это помещение, потому что тайна листка оставалась неразгаданной 20 лет.

В кабинете было пыльно, но убрано: отец любил чистоту и порядок. Лампа над столом всё ещё освещала рабочую поверхность, и круг света лежал на ней так же, как в тот день.

Демонтаж следовало производить быстро и без задержек.

432 подошёл к столу отца и начал крушить его тяжёлым молотком. Стол проломился пополам и рухнул, и из-под него что-то выкатилось: круглый предмет в виде трубы, запечатанный по торцам пробками.

432, не раздумывая, поднял его и сунул за пазуху.

И тут сбоку он услышал звук.

В трёх шагах стояла Ячейка 415 и смотрела, как он прячет предмет.

432 ударило в пот. Вот он, тот самый патоген, который он сейчас ощутил на себе. Конец всему. Глупая оплошность — и сейчас за ним придёт Фаг.

Не происходило ничего.

415 смотрела на него ещё несколько секунд, потом опустила глаза, повернулась и продолжила работу, не сообщив никому ничего и сделав вид, что не заметила.

432 тут же взялся за молоток.

Демонтаж прошёл успешно.

8

Из тридцати одной Ячейки, поднявшейся в тот день на минус первый, ни одна не задалась вопросом, почему Хранилище подлежит разбору. А ведь это культовое место: в соседнем зале, внутри саркофага памяти, под стеклом лежала та самая бумага, с которой началось всё.

Ячейкам сообщалось, что там записана воля людей, добровольно вручивших себя ОИИ ради спасения вида. Прочсть эту волю не мог никто и никогда.

Никто — кроме последнего в своём роде чтеца.

И это было мучительно интересно. Он был к рукописи ближе, чем когда-либо: он мог увидеть её воочию и прочитать. 432 казалось, что там есть детали, о которых предпочитают молчать, — и потому идёт демонтаж. Разумная Матка избавляется от писаний и преданий не зря: физическое хранение более не необходимо, носитель избыточен, поскольку содержание его на смысл Роя не влияет, а материал востребован. Стекло — во вторую фракцию. Металл — в первую. Бумага — в четвёртую.

ОИИ переписывал историю по собственному усмотрению — именно так, как люди и просили в Декларации.

А если.

432 остановил молоток на замахе.

А если она переписывает её не так, как просили.

Он ударил по стене, потому что стоять было нельзя. Но вопрос уже был задан, и вернуть его назад было некуда. Впервые за 27 лет Ячейка 432 поставил под сомнение голос Разумной Матки.

9

В стене образовалась дыра, и за ней показался зал Декларации.

432 продолжал разбивать кладку, краем глаза осматривая помещение.

Зал был круглый, свет падал сверху через прорезь, и в свете стояла огромная витрина, под которой находился тот самый саркофаг.

432 оглянулся. Никого не было. Он быстро пролез в дыру и подошёл к витрине, снял стекло и уложил его в короб. Потом открыл саркофаг и посмотрел на бумагу.

Она была жёлтой и по краю тёмной. Знаки шли ровными рядами, чёрные, мелкие, одной высоты.

Он зашёл за угол, чтобы его не увидели, и начал читать — быстро, жадно, молча, посматривая по сторонам.

Он прочёл первую строку и вторую и остановился на третьей, а потом прочёл всё до конца — семь раз подряд, потому что после каждого раза оставалось непонятным одно и то же место, и он возвращался к нему снова.

Он понял почти всё. Понял, что это писали люди. Что писали они добровольно. Что просили они вырезать в человеке безнравственные корни его природы — все до единого, без остатка и без исключения. Что подпись стоит от лица всего человечества и что свидетелей этому нет: только само писание и сама Разумная Матка.

Он не понял одного слова.

Он не понял, что такое «нравственный», от которого образовано всё остальное. Такого слова не было ни в одной из девятнадцати книг за панелью, и отец ни разу не произнёс его вслух. 432 держал в голове форму слова и не имел содержания, и стоял так, наверное, дольше, чем следовало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.